• КОРОЛЕВА ПРЕСТУПНЫХ СТРАСТЕЙ •

МАРИНА

КРАМЕР

Охота на мстителя, или Дамы укрощают кавалеров

Черная вдова Марина Коваль

Марина Крамер

Охота на мстителя, или Дамы укрощают кавалеров

«Эксмо»
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Охота на мстителя, или Дамы укрощают кавалеров / М. Крамер — «Эксмо», 2016 — (Черная вдова Марина Коваль)

ISBN 978-5-699-92992-4

После нескольких лет в слишком спокойной Англии неукротимая Марина Коваль возвращается в родной город. Ее брат готовится занять здесь кресло мэра, ее муж Женька Хохол не даст волоску упасть с ее головы, ее соратник Мишка Ворон по-прежнему не умеет, как она, просчитывать последствия каждой разборки, а ее недруг Гришка Бес испытывает все тот же пиетет перед железной Наковальней. Любой из этих мужчин давно перерос роль криминального авторитета и годится в полководцы, но почему же ей в их окружении впервые так неуютно – как охотнику, оказавшемуся один на один с хищником?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92992-4

© Крамер М., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог 6
Леон 7
Марина 9
Бес 13
Марина 15
Леон 18
Ворон 20
Марина 23
Леон 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Марина Крамер
Охота на мстителя, или Дамы укрощают кавалеров

© Крамер М., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Наш мир не стоит того, чтобы отдавать ему свои помыслы.
Мурасаки Сикибу

Пролог

Аэропорт кишел людьми, как растревоженный муравейник. Она терпеть не могла это людское скопище – каждый о чем-то думал, и казалось, что она попала в постоянно бурлящий котел чужих страхов, мыслей, иллюзий и ожиданий. От этого хотелось забиться в угол и зажать руками уши, чтобы хоть на секунду оказаться в тишине. Но сейчас это было невозможно.

До этого уверенно шагавший рядом с ней мужчина чуть сжал ее локоть и вдруг остановился, заставив и ее замереть на месте:

– Постой-ка, моя дорогая. А что мы делаем в аэропорту? Какого черта?

Она повернулась так, чтобы видеть его лицо, но наткнулась на пронизывающий насквозь взгляд голубых глаз, живо напомнивших взгляд другого человека. Вздрогнув всем телом, она забормотала:

– Мы же хотели… решили… Ты что, совсем ничего не помнишь?

– Ничего, – подтвердил мужчина, не сводя с нее этого страшного взгляда. – И вот это-то меня и пугает. С такими провалами недалеко и до более крупных неприятностей, чем поездка в аэропорт. Как ты это делаешь?

– Что делаю? – стараясь взять себя в руки, чуть более уверенно проговорила она. – О чем ты?

– Так, я понял. Возвращаемся. – Мужчина решительно развернулся и вдруг порывисто обнял ее, прижал к себе и, наклонившись к уху, прошептал: – Не сейчас, понимаешь? Точно не сейчас, просто пока не время. Погоди немного, все будет так, как ты хочешь. Я помогу. Но не сейчас. Идем.

Она подавила вздох разочарования, но покорно пошла следом, потому что понимала: он прав, зря она так погорячилась. Нужно выждать немного. Просто немного потерпеть – а потом у нее будет все, о чем она грезит вот уже несколько лет.

Леон

Если ты споткнулся и упал, это еще не означает, что ты идешь не туда.
Японская пословица

Марина почти бежала по стоянке от машины к входу в аэропорт, и Хохол с Леоном еле поспевали за ней.

– Помедленнее! – грозно рявкнул Женька в удаляющуюся спину жены, но она только рукой махнула.

– Думаешь, найдем? – с сомнением спросил Леон, вытирая пот со лба.

– Да вот черт ее знает. Это ж Ветка, а она скользкая, как змея, ее никогда не просчитаешь. Хотя Маринка как-то ухитряется иной раз. Будем надеяться, сегодня как раз такой день.

– Я одного не пойму: как генерал-то повелся на это все и согласился с ней куда-то уехать? Ведь не мог он не понимать, что Ворон перевернет все с ног на голову, но его выкопает и заставит отвечать! – Стараясь не выпустить Марину из поля зрения, Леон чуть ускорил шаг и потянул за локоть Хохла, притормозившего, чтобы закурить:

– Погоди, куда ты несешься?

– Так потеряем Марину Викторовну.

– Ее потеряешь, ага, – саркастически усмехнулся Хохол. – И потом, ее в толпе не так заметно, как нас с тобой, дружище, и это значит, что лучше нам не торопиться никуда с нашими-то вывесками. Сейчас покурим и пойдем тихонько. А за Марину не волнуйся, она сама отлично разберется. И насчет генерала ты тоже не прав – он сейчас себе не хозяин, скорее всего. У них с Веткой роман был когда-то, бурный, хоть и не особо долгий. Но Ветка… Понимаешь, это такая сучка – ей если что надо, она так в мозги надует, что себя забудешь. Вот, скорее всего, и с генералом так. Он же не дурак, понимает, что с Вороном шутки плохи. Но когда Ветка за дело берется – все, пиши пропало.

Леон сдвинул очки на лоб и потер пальцем черный кружок на глазу. Ему не нравилось все, что происходило сейчас, потому что четкого плана действий у них не было. Хорошо, можно допустить, что Марина найдет в этой толпе Виолу и генерала. Что дальше? Схватит за руки и потащит от стойки регистрации? А если они уже успели ее пройти и вышли в накопитель? И генерал улетит в страну, название которой неизвестно даже Марине? Что тогда? И главное, что он, Леон, должен будет в этом случае сказать Ворону?

Вдруг Хохол отбросил окурок и схватил Леона за локоть:

– Вон они! Вон, правее от выхода, на крыльце, гляди! – И он развернул Леона в ту сторону, куда смотрел сам.

На крыльце действительно стояла невысокая кудрявая блондинка в ярко-васильковом платье и широкополой шляпе, а рядом – представительный мужчина с чуть поседевшими волосами, одетый в светлую рубашку с коротким рукавом и свободные летние брюки. В руках он держал небольшой саквояж.

– Я не понял… Мы туда, а они с чего-то вдруг оттуда? – процедил Хохол, утаскивая Леона за колонну.

– Может, передумали?

– Или рейс позже.

Хохол вынул мобильный и набрал номер Марины:

– Котенок, ты внутри? Будешь выходить – делай это осторожно и лучше через дальний выход, тот, что ближе к остановке автобуса. Да. Потому что они на крыльце главного входа стоят, я их вижу. Нет. Нет у них багажа, саквояж только у генерала. Вот не знаю. Я сейчас

к тебе навстречу пойду аккуратно, а ты тоже резких движений не делай. Надо посмотреть, что они дальше предпримут, Леон пока понаблюдает. Все, пошли.

Убрав трубку, он посмотрел на Леона:

– Давай так. Я за Мариной, а ты здесь понаблюдай, только не светись. Если внутрь пойдут – иди следом, но аккуратно. Да что я тебя учу, ты и сам знаешь. А я Марину встречу и вернусь, будем думать.

Леон не успел ответить, как Хохол уже потерялся в толпе. Пришлось сосредоточить внимание на парочке, по-прежнему стоявшей на крыльце. Не похоже, что они собираются вернуться в здание, хотя на их месте Леон поступил бы именно так – ждать рейс в хорошо кондиционируемом помещении приятнее, чем на жаре.

В кармане завибрировал мобильник, и он с досадой подумал, что сейчас вообще не до разговоров, кто бы это ни был. Но вынуть телефон пришлось. Это оказалась Лиза. «Понятно, верная помощница потеряла шефа», – усмехнулся про себя Леон и сбросил звонок. Выслушивать нытье Лизы по поводу исчезновения генерала он не собирался. Как и вообще не собирался с ней разговаривать, хоть и обещал Марине не рвать контакты. Дело делом, но обида на Лизу засела глубоко. Если бы все это случилось раньше, до того, как внешность Леона необратимо изменилась после взрыва гранаты, он бы даже внимания не обратил на такую мелочь. Подумаешь, попыталась девушка от отчаяния вызвать у кого-то ревность с его помощью. Но теперь… Теперь почему-то было так обидно и больно, как будто взрыв он пережил заново.

«Мелочный я какой-то стал и закомплексованный». Эта мысль понравилась еще меньше, чем ее звонок, и настроение у Леона окончательно испортилось. Он перевел взгляд на то место, где стояли генерал и Виола, и увидел только отъезжающую желтую машину.

– Ох ты, черт, прохлопал! – Он включил камеру на телефоне и максимально приблизил попавшую в объектив машину, чтобы рассмотреть номер такси. – Ладно, хоть это есть.

Леон набрал Хохла:

– Жека, они сели в такси, я тоже беру тачку и следом, а вы на моей машине езжайте. Нет, пока я до стоянки добегу, они уже уедут, не устраивать же гонки по трассе. Все, давай.

Убрав трубку, он на бегу поднял руку и почти запрыгнул в первую приблизившуюся машину:

– Шеф, гони во-он за той тачкой.

– Что, упустил кого? – Понятливый водитель уже выруливал к шлагбаумам автостоянки.

– Да, родственников ездил встречать, но разминулись, только и заметил, как они в такси сели, – пробормотал Леон, не сводя глаз с маячившей впереди желтой машины.

«А как Хохол заведет машину? – вдруг пришло в голову. Ключи оттягивали карман брюк, и только сейчас Леон обратил на это внимание. – Хотя Хохол заведет, ему не привыкать». Эта мысль немного успокоила – значит, Марина с Женькой не останутся без транспорта. Теперь бы еще генерала не потерять, чтобы перед Вороном не оправдываться.

Зазвонил телефон – снова Лиза. Он долго смотрел на дисплей, но так и не ответил, сбросил звонок и швырнул трубку на сиденье. Желтая машина так и шла впереди метрах в ста, и Леон позволил себе расслабиться. Теперь никуда свернуть таксист не сможет, в город одна прямая дорога, не поедет же он объездными через лес, как это часто проделывала Марина, например. Да и вряд ли генерал с Виолой ожидают погоню, так что могут спокойно ехать по трассе. Леон учел все, кроме одного – случая, способного вмешаться и разрушить любые планы.

Марина

Всегда смотри на вещи со светлой стороны, а если таковых нет – натирай темные, пока не заблестят.
Японская пословица

Хохол двигался ей навстречу в толпе, возвышаясь над шедшей перед ним женщиной с ребенком на руках. Марина остановилась и, прислонившись к колонне, закурила, не обращая внимания на знак «Курение запрещено». Почему-то тряслись руки, и никакая сила в мире сейчас не смогла бы вынуть у нее из пальцев сигарету. «Ну, Ветка, не просчитала я тебя сразу, не поняла… Да и братец оказался сильнее, чем я могла представить, – сумел как-то выйти из-под ее контроля. Интересно только, насовсем или временно, до следующей обработки?»

Муж подошел, взял за руку, заглянул в глаза:

– Ты чего? Все нормально?

– Да где там нормально! – Она выбросила окурок в урну и сдвинула темные очки на волосы: – Где Леон?

– Поехал следом за генералом, а мы с тобой сейчас пойдем тачку проводами заводить – ключи-то Леон с собой упер.

– Вот нам только не хватало, чтобы замели на стоянке за попытку угона. Нет уж, зайчик мой, мы сейчас такси поймаем и поедем, а Леон пусть потом с тачкой сам решает. И все, я сказала, – предвосхитив его недовольный ответ, заявила Марина и решительно двинулась в сторону стоянки такси.

Хохол молча двинулся следом, хотя она спиной чувствовала его недовольство. Конечно, завести машину с помощью проводов Женьке труда не составит, но она не хотела привлекать внимание – мало ли как может получиться, и ни к чему оказываться в поле зрения полиции. А недовольство свое дорогой супруг может оставить при себе.

Забравшись на заднее сиденье такси, Марина вопросительно глянула на Хохла. Тот назвал адрес «Матросской тишины», Коваль удивленно ткнула его кулаком в бок, но он проигнорировал толчок.

– Какого хрена? – тихо спросила она, когда водитель вышел, чтобы сунуть в окошко шлагбаума талон.

– Сиди и молчи, – велел Женька, – так надо.

– Где Леон?

– Я уже тебе сказал где. За три минуты ничего не изменилось. Едем к Мишке и осторожно попытаемся выяснить, не знает ли он уже о генеральской попытке бегства.

– Вы идиоты, – Марина перешла на шепот, потому что водитель вернулся. – Как вы собираетесь это провернуть? Да Мишка, если поймет, в чем дело, порвет вас, как Тузик грелку. Леона точно.

– Прекрати. Все нормально будет. – Он чуть сжал ее руку. – Леон сейчас их отследит. Нам нужно, чтобы Ворон вообще об этом не узнал, понимаешь? Иначе даже ты не сможешь помочь своему дорогому братцу – Мишка не простит попытки кинуть его. Ты ж не хуже моего это понимаешь, да?

Это Марина понимала. Ее интересовало другое – как и почему вдруг Дмитрий решил вернуться, как сумел избавиться от влияния Ветки, которая – это она сама прекрасно помнила – идет до конца, когда речь об интимных отношениях.

До «Матросской тишины» они добрались только через полтора часа, отстояв в пробке прямо на трассе, где случилась авария. Мишка был на месте, выглядел бодрым и отчего-то веселым, подписывал какие-то документы и даже шутил с напряженным и бледным Вовой

Суриковым. Юрист, едва увидел на пороге кабинета Марину и Хохла, побледнел и покрылся потом. Вынув из кармана платок, он попытался вытереть лоб, но рука дрожала так, что клетчатый лоскут упал на пол.

– Ты чего, перегрелся? – хмыкнул Ворон, отдавая ему папку.

– Д-душно… – пробормотал Вова, отводя глаза под насмешливым взглядом Коваль, остановившейся у двери.

– Так иди пиджак сними, чего варишься в нем?

– Здравствуйте, Владимир, – нежно пропела вполголоса Марина, когда молодой юрист поравнялся с ней и вздрогнул. – Я к вам позже зайду, разговор есть, – понизила она голос до шепота и с удовольствием заметила, что Вова вот-вот хлопнется в обморок. – Дорогой, проводи юношу, ему на самом деле нехорошо, – небрежно повернулась она к Хохлу, и тот, хмыкнув, пошел следом за Суриковым. Понял, что его не стоит оставлять без присмотра.

Ворон выбрался из-за стола и подошел к кулеру:

– Водички хочешь?

– Не пей холодную, хуже только будет, – сказала Марина, усаживаясь на диван и вытягивая ноющие ноги. – Чаю лучше попроси зеленого, от него и пить меньше хочется.

– Не могу я мочу эту пить, западло прямо – как из-под осла, в натуре.

– Ну и выражения у вас, господин владелец автосалона. Как будто семь пасок отсидели, – поддела она с улыбкой.

Ворон пропустил мимо ушей, залпом осушил стакан и повернулся к блаженно закрывшей глаза Марине:

– Ты чего это явилась?

– А ты не соскучился, что ли?

Она вынула из сумки сигареты и зажигалку.

Ворон не был настроен на шутки, хоть и выглядел довольно благодушным.

– А серьезно если?

– Разрываюсь, – призналась Коваль.

– Чего?

– Не дает мне покоя мысль, что Бес где-то рядом крутится. Не люблю непонятного, мне нужно четко все знать: где свои, где чужие, тогда я могу спрогнозировать хоть что-то, а так, вслепую… – Она пожала плечами и закурила, внимательно наблюдая за Мишкой.

Он присел на край дивана у ее ног, как бы нечаянно опустил руку ей на щиколотку:

– Я об этом тоже думаю постоянно. Знаешь, ощущение прицела на затылке пропало, но внутри такой холод… Бес не из тех, кто отступает, мы-то с тобой лучше других это помним. Когда лез в кресло смотрящего – сколько трупов раскидал.

– Сейчас-то что об этом, дело давнее. Нам бы с сегодняшним разобраться. Ты не думал, что он может незаметно твоего кандидата переманить?

Ворон выкатил глаза:

– С чего? Да и не подпишется генерал.

– Думаешь?

– Да отвечаю! Какой дурак будет соскакивать с насиженного?

– Он, допустим, здесь еще ничего насидеть не успел. Гришка может предложить больше денег.

– Нет у него денег, в том и фишка.

– Ты откуда знаешь?

– А что тут знать? Общак на месте. А своих…

– А своих у него было на пять общаков, ты не знал? Он все мое подмел, выкупил у Хохла. А это ни много ни мало полгорода. Все развлекаловки, почти все рестораны маломальски крупные. Ладно, казино закрыли сейчас, но помещения-то он в аренду сдал через

подставных лиц, на которых все это добро было оформлено. Это не считая того, что успел настричь здесь за все время. А ты убери руку, пока Женька не вернулся и не оторвал, – прищурилась она и выпустила колечко дыма в его сторону.

Ворон фыркнул, но руку убрал:

– Слушай, Наковальня, а насчет его финансов откуда сведения?

– У него жена болтливая, когда выпьет. Правда, тоже до определенного предела. Даже я ее не смогла раскрутить на то, где они нынче обитают. Но это и неважно теперь – они здесь.

В этот момент в кабинет ворвался Хохол и с порога заорал:

– Телевизор включите, быстро!

– Да не голоси ты, малахольный, – поморщился Ворон и потянулся к пульту на столике. – Чего там?

– Новости местные включи – увидишь!

Мишка нашел местный канал, сделал погромче. Во весь экран показывали автомобильную аварию – желтая машина такси и микроавтобус, перевернувшийся на бок.

– И чего? – не понял Ворон, переводя недовольный взгляд на присевшего на корточки возле Марины Женьку.

– А того. Генерал это разбился.

Коваль подскочила так резко, что у нее зашумело в голове:

– Кто?! Ты с чего это взял?

– Да вы слушайте, а не орите!

Корреспондент сообщил, что водитель микроавтобуса, виновный в аварии, сумел скрыться, пострадали водитель такси и оба пассажира – кандидат в мэры города генерал Коваль и его спутница, имени которой никто назвать не смог. Все трое госпитализированы в городскую больницу, женщина в реанимации.

– Да твою же мать! – Грохнув по столу кулаком, Ворон вскочил и забегал по кабинету. – Какого водяного этот идиот с какой-то телкой по трассе на такси раскатывал?

Марина с Хохлом переглянулись, и Коваль едва заметно покачала головой, давая мужу понять, что не стоит выкладывать все карты.

– Мало ли, – протянула она вслух. – Но теперь надо выяснить, насколько серьезно он пострадал.

– Сейчас отправлю Леона. А, он выходной же, – с досадой махнул рукой Ворон, и Марина перевела дыхание. Леон наверняка уже сам поехал в больницу, но не говорить же об этом Мишке, начнутся ненужные вопросы. – Ладно, придумаю что-нибудь.

– Да не мельтеши ты, как ветеран броуновского движения! В глазах рябит.

Ворон остановился, уставившись на нее непонимающими глазами:

– Ветеран чего?

– Ой, не грузись, не поймешь…

– А что придумывать? – вклинился в разговор Хохол. – Пусть эта его краля едет, как ее там… пресс-атташе. Это ее обязанность, как я понимаю, – присматривать за кандидатом вашим.

– Он, сука, скользкий какой-то, – пробормотал Ворон, отыскивая в мобильном номер Лизы, – никак я его ухватить не могу. Алло, Елизавета? Это Воронцов. Как же так вышло, что вы мне кандидата не уберегли? А вот так, милочка. Не знаю я, чем вы занимаетесь, пока ваш генерал с неизвестными бабами в такси раскатывает и под микроавтобусы залетает. А вот что слышите. Короче, девочка, бери машину и пулей метись в городскую больничку. И сделай все, чтобы журналисты к нему не просочились, нам такая реклама не нужна. Да, если будет нужно – сама их оттуда выгоняй. А я не знаю как. Ты за это деньги получаешь – чтобы контакты отслеживать, так вот, будь добра, отследи, чтоб журналистов там больше не было.

Все. Я к вечеру подъеду. – Бросив трубку на стол, он вытер лоб и уставился на Марину: – И что делать?

Она пожала плечами:

– А что ты хочешь сделать? Попал в аварию – всякое бывает.

– Ты думаешь, это обычная автодорожка?

– Не исключаю. Скорее всего, так и есть, но, если уж очень подгорает у тебя, позвони своему приятелю Грищуку и попроси пробить хозяина и водителя микроавтобуса. Хотя это слишком примитивно для Беса. Он бы иначе все обставил. – Она спустила ноги на пол и нашаривала туфли. – Жень, принеси чаю мне зеленого, будь другом. – Она легко коснулась руки Хохла пальцами.

Он кивнул и, наклонившись к ее уху, прошептал:

– Я юриста в кабинете на ключ запер и телефон отобрал. Пусть под присмотром будет.

– Молодец, – одними губами проговорила она. – Дальше видно будет.

Хохол ушел в бар за чаем.

Ворон уселся в кресло и о чем-то задумался. Марина исподтишка наблюдала за ним, а сама тем временем строчила сообщение Леону с инструкциями. Боялась, что тот позвонит и, не желая того, даст понять Ворону, что все трое в курсе, где и с кем был генерал.

– Не понимаю, – прогудел Мишка, вытягивая из пачки сигарету. – Вот убей меня, не понимаю, с кем и куда он мог с утра на такси поехать. Ведь машина под задницей – с водителем, с охранником.

– Так, может, потому и на такси, чтобы от водителя и охранника отделаться? Такая мысль тебе в голову не приходила?

Ворон не успел ответить. Вошел Женька с чашкой чая, поставил ее перед Мариной и сел на диван:

– Я бы на вашем месте в больничку подъехал прямо сейчас, не дожидаясь вечера. Чего тянуть?

– А и правда, Миш? – поддержала Марина, которой не терпелось пробраться в реанимацию к Ветке и, воспользовавшись ее беспомощным состоянием, вытрясти из подруги хоть какую-то информацию. – Чего ты ждешь? Почему вечером? Давай сейчас и поедем.

– Да человека жду нужного, – процедил нехотя Ворон.

– Тогда, может… – начала Марина, но Ворон ее перебил:

– И как ты себе это представляешь? Ладно я, но ты-то кто ему? Наверняка вокруг больницы журналисты рыскают, за сенсациями охотятся, а тут ты такая красивая и к кандидату. И как потом отмазываться?

– Логично, – вздохнула Марина, признавая поражение. – Тогда, может, я пока в ресторан прогуляюсь, а потом созвонимся и встретимся у больницы? С тобой-то я могу туда поехать?

– Со мной можешь, – кивнул Ворон. – Куда Леон запропастился?

– Ты ж сказал, выходной у него. Что, он не имеет права загулять?

– Нашла гуляку. Он со своей рожей все выходные дома проводит, отсыпается. Но телефон всегда включенным держит, странно, что сегодня трубку не снимает.

– Ой, да на беззвучку поставил, и все, нашел, о чем париться, – отмахнулась Марина. – Ладно, мы в ресторан, а ты, как поедешь, позвони.

– А чем тебе тут-то не ресторан, я не пойму?

– Ты же прекрасно помнишь, что я не ем здешнюю еду и кухня эта меня не устраивает, – улыбнулась Марина, убирая в сумку сигареты и телефон. – Поехали, Женька.

Бес

Гнев усыпляет разум, делая язык распущенным, а уши глухими.
Юки Явахада

Когда Виола не вернулась ночевать, он почему-то сразу подумал, что искать ее нужно у Ворона. Не умея прижать его как-то иначе, Мишка, похоже, решился на похищение. Глупый ход. Во всех отношениях глупый. Он, Бес, может запросто проигнорировать этот факт и не начинать никаких переговоров – вот тогда пусть Ворон покрутится и подумает, что делать с абсолютно бесполезной в этом случае Виолой.

Но этот вариант имел один серьезный недостаток – как ни странно, все ту же Виолу. Обнаружив, что муж не предпринимает никаких шагов для ее вызволения, Ветка вполне способна на любую крайность. С нее станется рассказать Ворону много интересного о Бесе и его делах. Это обстоятельство и заставило Гришку снять трубку и позвонить, нет, не самому Ворону, а для начала его телохранителю.

Удивление в голосе Леона показалось почти натуральным – создавалось впечатление, что он не в курсе, но Бес отмел это. Ворон при желании мог играть не хуже столичных актеров, и охранник был ему под стать. Нет, надо Ветку вытаскивать во что бы то ни стало.

Бармалей, наблюдавший за метаниями хозяина, предложил незатейливый вариант:

– Может, я поеду?

– Куда? – не сразу понял Бес.

– К Ворону. Перетолкую, то-се…

– Ты больной? Перетолкует он! – передразнил Гришка, наливая чай в граненый стакан. – Да Ворон тебя на порог не пустит, тем более говорить с тобой не станет. А даже если вдруг заговорит – думаешь, вернет Виолу? Да с чего бы? Она ему зачем-то нужна.

– Больно много она о вас знает.

– То, что я при ней о делах не говорю, не означает, что она не в курсе, – начал Бес и тут же осекся: признаваться в том, что он не может контролировать собственную жену, а она его – запросто, он не собирался. – Короче, туфта это все. Но Ветку надо выцарапывать.

– Знать бы еще откуда. – Бармалей явно был уязвлен и настроен мрачно.

– А вот, кстати, действительно откуда? – Бес уселся со стаканом за стол. – Никогда раньше не слышал, где именно Ворон дела свои делает, эти самые, с заложниками. У Наковальни подвал был, как раз здесь, под гаражом, она только сюда с этим приезжала. Не хотела дом, Малышом построенный, грязью заляпать, чистоплюйка. А у Мишки что?

Бармалей напряг извилины, но тоже не смог вспомнить ничего подходящего. То, что офис Воронцова находится в клубе «Матросская тишина», ни для кого не было секретом, но ведь не мог Мишка держать где-то там и Виолу? Клуб работает, во всех помещениях люди. В той части, где офис, конечно, есть свой вход, но ведь и там люди – бухгалтерия, рекламщики. Нет, этот вариант не годился. Но тогда где?

Бес решил не ломать голову и расслабиться хотя бы до вечера – именно такой срок он дал Леону. Вечером станет ясно, что произошло.

Ему и в голову не могло прийти, что исчезновение Ветки, возможно, и не связано с Вороном. Он никак не мог представить, что его жена сама вляпалась в очередную историю, что могла просто завести себе здесь любовника и остаться у него ночевать. Эту мысль Гришка отмел сразу: нет, Ветка побоится, она хорошо помнит его условие. Вряд ли мимолетная интрижка перевесит желание видеть сына. Если только… нет, не может быть. От этой догадки Бесу вдруг стало совсем дурно. Он рванул ворот домашней свободной рубахи, растер рукой занывшую грудь и как-то беспомощно посмотрел на Бармалея.

– Что, Григорий Андреич?

– Слушай, Бармалей, а вот ты как думаешь, не могла сюда родственница моя наведаться, а?

– Марина Викторовна, что ли? Да как?

– На помеле верхом! – отрезал Бес, которому становилось все хуже.

Если причиной исчезновения Ветки Наковальня – все, можно считать, игру он проиграл, еще не сев за стол и не заглянув в розданные карты. Эта бешеная баба обыграла его – Ветка ни за что не станет идти против нее, скорее наоборот, предложит объединить усилия и наконец-то раздавить его, Гришку, окончательно. Это выгодно обеим – и Марине, и Виоле. Наковальня избавляется от постоянной угрозы шантажа, а Ветка получает сына и свободу. Черт, неужели все так и есть? Но как это понять, как выяснить? Ведь он даже не знает, как сейчас выглядит Наковальня, под каким именем живет, документами какой страны пользуется. Это сильно усложняет поиски. Усложняет – но не делает их невозможными, конечно. Надо только внимательнее присмотреться к мелочам. И первым делом прощупать Ворона – если что, Наковальня могла обратиться только к нему, не зря же в свое время поделилась ценными документами. Доверяла.

– Я б уже знал… – не совсем уверенно протянул Бармалей, – я в клубе-то регулярно бываю, уже увидел бы, кабы она приехала. Ей же к кому – к Ворону только.

– Да ты с ней мог нос к носу столкнуться и не узнать. Она пластику делает, как насморк лечит, Ветка вон, и то не знает, как она теперь выглядит, – отмахнулся Бес, свободной рукой растирая грудь под рубахой. – Но ты прав: ей не к кому больше, только к Ворону. И прикроется она чем-то таким, что не проверишь. А что, любовницей скажется, и привет.

– Ага! – саркастически скривился Бармалей. – Любовницей – при живом-то Хохле? Да он не посмотрит, сразу голову Ворону свинтит.

Бес глянул на подручного с нескрываемой жалостью – надо же уродиться таким бестолковым, чтобы не понимать элементарных вещей. Все приходится объяснять, буквально каждую букву.

– Ты не понял, да? – начал он почти ласково. – Я же сказал «прикинется любовницей», а не «станет ею», правда? Спать с Вороном Наковальня, разумеется, не будет – это ей западло, с компаньонами она только дела делает, для любви у нее Хохол имеется, как ты справедливо заметил. Но что мешает ей сделать вид, что она спит с Мишкой, чтобы иметь возможность крутиться возле него, не вызывая лишних вопросов у той же охраны? Понимаешь теперь? И Хохол, конечно, в теме и будет эту легенду поддерживать, хотя, понятное дело, даже видимость этого ему – как перо в бок.

– А-а! – протянул Бармалей с каким-то даже облегчением. – Теперь понял. Но это… не видел я никаких баб там, если честно.

– Так ты и не смотрел, правда? А теперь надо поехать посмотреть. И кстати, этот твой припадочный юрист, он чего там бормотал насчет неудавшейся сцены отравления?

– Да я толком не разобрал – он напуган был, бормотал что-то невнятное. А теперь и телефон у него не отвечает – звоню-звоню, он не берет.

– А деньги взял, значит? Ладно. – Бес легонько хлопнул ладонью по столешнице, допил остывший чай и встал, оттолкнув табуретку. – Давай делами займемся. Ты в клуб, а я пойду еще помозгую, куда мог Мишаня супругу мою драгоценную упрятать.

Марина

Не говорите, если это не изменяет тишину к лучшему.
Японская пословица

Подавив желание заказать в «Стеклянном шаре» татами-рум, Марина удовольствовалась общим залом, хотя и попросила мэтра посадить их в такое место, где будет меньше всего публики. Таковое, к счастью, нашлось, и настроение у Коваль немного улучшилось.

– Значит, так, Женя, – негромко сказала она, усаживаясь за стол так, чтобы видеть зал, – я сейчас буду думать, а ты есть и не мешать мне, хорошо? Надо как-то все в голове уложить, больно много событий за короткое время, это непорядок.

Хохол пожал плечами:

– Бывает.

– А не должно.

– Нет, я понимаю, что ты бесишься, если вдруг что-то идет не по-твоему, но согласись, дорогая, даже ты не в состоянии держать под контролем всё и всех.

– Зря ты это сказал. – Марина покручивала в руках хаси, выдернутые из бумажного пакетика. – Просила же: не мешай мне, я думаю.

– Угу. Чапай прямо, – фыркнул муж, жестом подзывая официантку. – Что есть будешь?

– Закажи сам.

Ее пристрастия в еде Хохлу были отлично известны. Разбуди его среди ночи, он мог назвать блюда, которые жена заказала бы первыми. Определившись с заказом, он лениво подмигнул хорошенькой девушке, старательно записывавшей все в блокнот, оглядел зал и перевел взгляд на окно, чтобы убедиться, что ничего подозрительного пока нет.

Марина чертила палочками на скатерти только ей видимые знаки, но и это Женька знал – иероглифы «судьба», «сила» и «терпение». Почему-то именно эти три витиеватых иероглифа помогали Коваль найти правильное решение.

– Как думаешь, Бес уже знает, что с Веткой случилось? – спросила она, не глядя на мужа.

– Вряд ли. Это ты поняла, что с генералом Ветка была, а Бесу-то откуда это знать? Не думаю, что она ему обо всем рассказывает, а уж тем более о своем возобновившемся романе. Не оценил бы Гриня такой откровенности, – хмыкнул Хохол.

– Не оценил бы, – машинально повторила Марина, думая о своем. – Надо мне любыми путями в больницу попасть. Сейчас Ветка слабая, из нее что угодно можно вытрясти. Вдруг она в курсе, зачем Димка решил тут мэром осесть. Не дает мне покоя эта загадка…

Подошедшая семенящей походкой официантка принялась расставлять на столе заказанные блюда, бросая на Хохла застенчивые, но вполне читаемые взгляды, и Марина, заметив это, поймала себя на том, что ей совершенно безразлично. Да, безразлично, что на мужа положила глаз молодая девчонка в кимоно. И даже когда она, уходя, выронила из рукава на колени Хохла салфетку с номером телефона, Марина и бровью не повела. Женька же спокойно скомкал салфетку и отложил на край стола.

– Что, даже не поинтересуешься? – ровным тоном спросила Коваль.

– Чем?

– Телефончиком. Девочка старалась.

– Ты серьезно?

– Более чем, – подтвердила жена, аккуратно поднося к губам ролл с угрем.

Хохол только головой покачал:

– Что ты за человек, а? Обязательно надо обострить.

– Что, скажи, я сейчас обострила? Попыталась узнать твои дальнейшие планы?

– Да какие, на хрен, планы? – тихим шепотом взревел Хохол, в душе досадуя, что снова попался на ту же наживку, что и обычно. – Ты что же думаешь, что я могу сравнить тебя и эту малолетнюю соплюху?!

– В плане возраста сравнение явно не в мою пользу, – спокойно кивнула Марина.

– И чего? Теперь чего, даже если так?! Прикажешь мне с ней в подсобку сходить?

– О, а ты и насчет подсобки знаешь, надо же.

– Я тебя прошу, закрой рот, не заставляй меня…

– Не заставлять что? – с любопытством спросила она, погружая очередной ролл в соус с васаби.

– Так, все, хватит! – оборвал Женька, поняв, что снова проигрывает. – Давай поедим спокойно, я голодный как черт.

Марина пожала плечами, но развивать тему не стала. За едой совершенно не думалось, и она постаралась отбросить все мысли и сосредоточиться на любимых блюдах. Хохол, казалось, тоже увлечен отбивной из свинины, но при этом от его острого глаза не ускользало ничего из происходившего в зале. Он умел чувствовать опасность хребтом, шкурой, и это ценное качество много раз выручало их с Мариной.

– Чаю закажи, – попросила Коваль, откидываясь на удобную спинку диванчика.

Женька махнул официантке, та подошла и, заметив скомканную салфетку на краю стола, вспыхнула румянцем во всю щеку.

– Чаю зеленого нам принеси, милая, только без добавок, – попросил Хохол, и девушка кивнула, еле заметным жестом смахивая салфетку в рукав кимоно.

– Обидел девочку, – констатировала Коваль, провожая удаляющуюся официантку взглядом.

– Тебе все неймется? – укоризненно покачал головой муж. – Проверяешь все?

– Скучно. И, пока Мишка не позвонит, я как по рукам связана, ничего не смогу предпринять. – Она снова принялась чертить на скатерти иероглифы. – И времени у нас – до вечера, потом Бес начнет воду мутить.

– Ничего не поделаешь, дорогая, будем ждать.

– Леон не звонит, – вдруг сказала Марина, поднимая глаза от скатерти и глядя в лицо мужу. – Как думаешь, почему он не звонит? Ведь он за такси следом поехал, стало быть, видел, как что было. И наверняка в больницу за «Скорой» увязался. Почему же не звонит тогда?

– Ты не кипи, – попросил Женька, дотягиваясь до ее руки и сжимая пальцы, – не кипи, все будет ровно тогда, когда должно. Скорее всего, Леон проводил их в больницу и мог на Лизу эту напороться – ты же слышала, как Ворон ее отправил справки наводить и журналистов разгонять? Может, Леон решил заодно шансом воспользоваться и помириться с ней. Может же так быть?

Марина не была с этим согласна, но другого логичного объяснения пока не видела, а потому промолчала. Ее сейчас интересовало, была ли авария случайной или все-таки ее кто-то подстроил. Но кто? Кто вообще мог знать, что Димка с Виолой вдруг сорвутся в аэропорт, а потом передумают и поедут обратно?

– Как думаешь, а Бес не мог Ветку в измене заподозрить и наскоро вот такое организовать?

Хохол ответил сразу:

– Исключено. Зачем иначе он звонил Леону и угрожал? Он считает, что Ветка у Мишки. Нет, котенок, исключается тут Бес.

– Да, ты прав. Тогда, скорее всего, случайность. Досадная, нелепая, глупая, но случайность. И я даже не знаю, хорошо это для нас или плохо.

– Пока Ветка упакована в реанимацию – нам хорошо, никуда лезть не сможет, не будет в уши дуть братцу твоему. Генерал, поскольку нетяжелый, скорее всего, завтра уже домой пойдет – тоже нормально, будет под контролем. Так что вроде все неплохо.

– Неплохо, неплохо, – протянула она, глядя куда-то поверх Женькиной головы. – Как знать, может, и неплохо…

– Не нравишься ты мне, – не утерпел Хохол.

– Да? А что так? – совершенно без эмоций поинтересовалась она.

– Не люблю, когда ты такая. Обычно ничем хорошим не заканчивается. И вообще идем отсюда, мне надоело! Чаю и дома попьем.

Он даже не попросил счет – зачем, когда примерную стоимость обеда Хохол мог назвать и без меню. Просто оставил на столе достаточную сумму с чаевыми, и все. Марина, с любопытством глядя на его манипуляции, тоже поднялась:

– Дома так дома.

Всю обратную дорогу она молчала, рассеянно глядя в окно. Жара загнала всех, кто мог себе это позволить, в помещения, на улице практически не было людей – только те, кому волею судьбы нужно работать.

– Еще пару дней такое пекло постоит – и все, зелень вся накроется, – пожаловался таксист. – У меня на даче все сгорело, на фиг.

– Тут не угадаешь, – поддержал беседу Хохол.

– Да какое! Я вроде и поливалку установил, и жена там с детьми безвылазно, а толку… Вон палит как, – мужик почти с ненавистью кивнул на раскаленный диск. – Мог бы – свалил бы из города куда подальше, но нет же, один работаю, семья большая…

Марина постаралась отключиться и не вслушиваться в жалобы на тяжелую жизнь, это мешало думать о своих делах.

Ворон так и не позвонил, это беспокоило. Как беспокоило и отсутствие новостей от Леона – тот-то должен был понимать, каково Марине без информации. Но телефон молчал как заколдованный. С этим и доехали до дома. Пока Женька рассчитывался с водителем, Коваль успела укрыться в подъезде.

– Жарища, мать ее, – входя в подъезд, выдохнул Хохол. – Идем скорее, дома хоть кондей работает, а то просто как в аду.

В квартире действительно было прохладно, и это сразу сделало жизнь намного легче. Голова у Коваль начала соображать относительно нормально. Она разделась до белья и уселась в кресло с сигаретой.

– Надо все-таки Леону позвонить. Мне не нравится, что он молчит.

– Я тебе сказал: не встревай, он позвонит ровно в тот момент, когда решит, что это нужно, – наставительно произнес муж, стягивая мокрую от пота майку. – Куда ты вечно летишь впереди паровоза?

– Я не могу сидеть вот так и ждать непонятно чего! – Она нервно стряхнула пепел.

– Конечно! Тебе надо нестись куда-то! Покой для слабаков, да, милая?

Она не ответила, ушла в ванную и зашумела там водой.

Леон

Живая собака лучше мертвого тигра.
Японская пословица

Откуда взялся этот микроавтобус и каким образом оказался на шоссе справа от машины, в которой ехали генерал и Виола, Леон не видел. Он довольно прилично ударился лбом о панель, когда водитель его такси резко забрал рулем влево, выезжая на встречную, чтобы избежать столкновения с машиной впереди. Когда такси, взвизгнув тормозами, остановилось, Леон выскочил вслед за водителем, бросившимся на помощь пострадавшим. Но подходить близко было нельзя – с трудом выбравшийся из покореженного такси генерал мог узнать его, а этого допускать не стоило.

Леон старался держаться в толпе, которая мгновенно образовалась вокруг места аварии, и наблюдал издали. У генерала было сильно порезано осколками лицо и как-то странно висела левая рука, водитель такси вообще не подавал признаков жизни, как и зажатая на заднем сиденье Виола. Леон со своего места видел только ее белокурую макушку, чуть заметную из-за высокого подголовника. «Скорые», к счастью, приехали быстро, а вместе с ними и бригада спасателей. Виолу в бессознательном состоянии вытащили из машины. Генерал что-то возбужденно говорил, пытаясь рассмотреть, что делают врачи с его спутницей, хотя ему самому в это время тоже оказывали помощь. Леон увидел, как молодой фельдшер накладывает на руку генерала лангету – видимо, все же перелом. Виолу и водителя погрузили в машины, генерал сел в ту, где оказалась она, и, взвыв сиренами, «Скорые» унеслись по направлению к городу.

– А ты чего ж к родственникам-то не подошел? – уличил Леона таксист. Пришлось прикидываться здорово ушибленным:

– Знатно башкой приложился, аж мухи в глазах…

Таксист испугался:

– Ты это… слушай, давай-ка я тебя в больничку подкину, если мухи перед глазами? С башкой шутки плохи. Поехали, а?

Это устраивало Леона как нельзя лучше, и он согласился, забрался на заднее сиденье, запрокинул и вправду занывшую голову на подголовник и закрыл глаза. Сотрясение мозга не то, что сейчас было нужно, но, если пренебрегаешь ремнем безопасности, будь готов за это рассчитываться. От привычки не пристегиваться, чтобы иметь простор для маневра, он отказываться не собирался, и теперь ее последствия были налицо.

Таксист старался ехать как можно аккуратнее, Леон почти не испытывал дискомфорта. У больницы они оказались довольно быстро, он расплатился, поблагодарил за помощь и вошел в приемный покой. Оглядевшись, понял, что всех пострадавших в аварии уже развезли в отделения, значит, нужно выяснять, кого куда. Пока Леон придумывал предлог, из открытой двери регистратуры донесся разговор двух сестер:

– А вот этот дядечка, что из автодорожки поступил, – я его видела где-то, но никак не вспомню, где именно.

– Вот и я тоже мучаюсь – такое лицо знакомое, как будто артист или еще кто…

– Слушай! – воскликнула вдруг та, что помоложе. – А ведь я знаю, кто это! Его лицо на всех столбах в моем районе. Нет, точно! Это же кандидат в мэры – этот, из Москвы же!

– А ведь верно! – подхватила вторая. – Вот черт, надо быстро главному звонить, чтобы не вышло чего. Его хоть нормально отправили?

– Конечно. Там пару швов наложили и руку в гипс – обе кости предплечья сломаны. Но Сергей Сергеич хорошо все сделал, сопоставил аккуратно, я сама рентген видела.

– Фу, хоть тут порядок. Ладно, я звоню главному, а ты бы сбегала, глянула, как его в травме устроили.

Девушка выскочила из регистратуры и, шлепая смятыми задниками тапочек, направилась в сторону лифтов. Леон сел так, чтобы слышать все, о чем говорят в комнате, и замер. Судя по всему, главврач не обрадовался перспективе лечить московского кандидата в мэры, потому что медсестра несколько раз повторила: «А я что должна была делать, не принимать? Говорить, чтобы в лечкомиссию везли?» Леон не понимал этого пиетета перед начальством. Что, не может кандидат в мэры заболеть, как все люди? В ту же аварию попасть? Они такие же смертные, как и остальные. Иной раз даже более уязвимы.

Спустя минут сорок появилась съемочная группа одного из местных телеканалов, и Леон сменил позицию, чтобы ненароком не попасть в кадр. Спустившийся ради такого случая главврач с удовольствием позировал перед камерой и рассказывал о состоянии генерала и сопровождавшей его неизвестной. Выходит, генерал скрыл знакомство с Виолой – понятно, к чему такой компромат. Значит, она пока так и останется неизвестной с номером, так положено. Но как донести эту информацию до Беса, времени-то в обрез? Надо посоветоваться с Мариной, может, она подскажет.

Пока Леон размышлял, в приемный покой влетела Лиза и сразу бросилась к главврачу. Телевизионщики мгновенно переключили внимание на нее, но Лиза закрыла объектив камеры папкой, которую держала в руке:

– Никаких комментариев, господа.

Главный врач развел руками и увлек Лизу к лифтам, телевизионщикам же преградил дорогу охранник в форме одного из ЧОПов. Несолоно хлебавши журналисты покинули здание больницы, а Леон вынул мобильный и позвонил Марине. Та ответила почти мгновенно, словно сидела с трубкой в руке и ждала звонка:

– Да, слушаю тебя.

– Я в больнице. Генерал в относительном порядке, женщина в реанимации. Кто она, никто не знает, – голос Леона звучал совершенно бесстрастно. – Здесь пресс-атташе, пытается справиться с журналистами. Вам не кажется, что нужно как-то довести информацию до сведения одного нашего знакомого?

Коваль молчала. Леон ждал, понимая, что от ее слов сейчас многое зависит.

– Ты прав. Я подумаю. Приезжай к нам, мы дома.

– Буду минут через сорок.

Он убрал телефон в карман и вышел из больницы. На солнцепеке голова сразу закружилась, воздуха стало не хватать. «Э, братец, ты это брось, – мысленно приказал он себе. – Ты не можешь сейчас отключиться, нет у тебя такой возможности». Внушение помогло, Леон почувствовал, как охватившая его слабость отступает. Дошел до ближайшего ларька, купил большую бутылку холодной воды, часть тут же вылил себе на голову, а остаток выпил. Стало совсем хорошо, и он шагнул к обочине, останавливая такси.

Ворон

На краю гибели не до оригинальности.
Кобо Абэ

День и без того выдался нервный, а уж авария с генералом и вовсе стала неприятным сюрпризом. Ворон чувствовал, как у него ломит в затылке – поднималось давление. Надо бы быстро выпить таблетку и лечь, но нет возможности. Да еще Наковальня со своими причудами… Вот зачем, спрашивается, ей больница? Что она там хочет увидеть? Задавать вопросы этой неуправляемой бабе нет никакого смысла, это Ворон знал отлично. Ладно, хочет больницу – будет ей больница, только бы сейчас дождаться этого детектива, которого Мишка нанял следить за Бесом в обход Наковальни. Она, конечно, разорется, когда узнает, но это будет потом. А ему, Ворону, спокойнее знать, где и чем занят надоедливый, как осенняя муха, Григорий.

Детектив все не ехал, время неумолимо бежало к вечеру, скоро больницу закроют, тогда даже ему будет невозможно туда попасть. И тут позвонила Елизавета с отчетом. Девица оказалась не такой уж зеленой, быстро разобралась с журналистами, договорилась с Грищуком об охране палаты, где должен был остаться на ночь генерал, да и эту самую отдельную палату тоже организовала без постороннего вмешательства. Словом, вывернулась наизнанку, но работу сделала.

– С ним разговаривать-то можно? – буркнул Ворон.

– Да, он в порядке. Врач хочет убедиться, что симптомы сотрясения купированы, а с загипсованной рукой все в порядке. Завтра утром после обхода его отпустят домой, – отрапортовала Лиза.

– Хорошо. Можете отдыхать, Елизавета.

– Нет-нет, что вы, я останусь здесь до утра, подожду выписки, – как-то поспешно сказала она, и Ворон хмыкнул: тяжело девочке совмещать роли любовницы и пресс-атташе.

– Как знаете. Только завтра, как только будет известно о выписке, позвоните мне, я пришлю машину и охрану.

– Да, конечно, спасибо.

Положив телефон на стол, Ворон задумался. В новостях сказали о какой-то женщине, разбившейся вместе с генералом. Откуда она взялась? Случайная попутчица? Что делал генерал на загородной трассе, да еще в такси? Что-то здесь не так – Ворон чувствовал это, но найти объяснение не мог. Если бы Леон был рядом – у того нюх на острые ситуации… Но мобильный Леона по-прежнему молчал. Да, выходной, но это же не отменяет ответов на звонки. Снова странности. И Наковальня какая-то дерганая – не связано ли это все в один клубок?

С момента появления Марины в городе у него постоянно сосало под ложечкой. Казалось, Наковальня что-то скрывает, есть у нее какой-то свой интерес, и он отнюдь не в том, чтобы не дать Бесу вернуться в город. Ворон не любил состояния, в котором чего-то не понимал и не контролировал, а сейчас был именно тот случай. Наковальня не лгала – она недоговаривала, и это было куда опаснее. Узнать, о чем именно так загадочно молчит союзница, пока не было никакой возможности. Ждать, что она проколется, было бессмысленно, она не из тех, кто говорит или делает, не обдумав сто раз и не просчитав последствия шага на два-три вперед. Рассчитывать на случай и шальную удачу не приходилось, но и ввязывать в дело частного детектива не представлялось возможным. И дело даже не в том, что чуткий Хохол мгновенно вычислит слежку и уберет ее, предварительно выудив все подробности о заказчике. Фокус в другом. Если Наковальня почувствует, что он ей не доверяет, дело можно

считать слитым. Она улетит в свою Англию в тот самый момент, когда унюхает фальшь в его словах, а в одиночку ему с Бесом ни за что не совладать.

Чувствовать себя заложником было еще отвратительнее. Ворон подошел к бару, вынул бутылку виски, плеснул в стакан на два пальца и бросил пару кубиков льда из чаши на охладителе. Спиртное обожгло глотку, упало в желудок раскаленным угольком, но хоть в голове прояснилось. Нет, пока трогать Наковальню нельзя, опасно даже. Пусть ведет свою игру как считает нужным, а дальше будет видно.

Он ушел с головой в изучение договоров. Так увлекся, что не заметил, как в дверях возник Хохол.

– Тебя этак прирежут здесь, – ухмыльнулся тот с порога. – Минут пять уже наблюдаю, ты даже ухом не повел.

Ворон вздрогнул и отбросил папку с бумагами.

– Что за привычка у вас с твоей бабой – подкрадываться вот так, а?

– Да тут и привычка не нужна. Слушай, так что там с генералом? Маринка просила узнать. У нее голова на жаре разболелась, я ее домой отвез – и к тебе.

Что-то в словах Хохла показалось Ворону не совсем натуральным. Голова у нее разболелась, как же. Набралась небось текилы по старой памяти, а здоровье не то уже. Но черт с ней.

– Только что свистушка эта его звонила, – кивнул в сторону мобильного Ворон. – Да ты садись, чего в дверях-то отсвечиваешь.

Хохол вальяжной походкой прошелся по кабинету, уселся на диван, закинув ногу на ногу. Ворон вдруг подумал, что в прежние времена отморозок Жека не посмел бы даже порог кабинета пересечь – не тот статус, а теперь вот развалился по-хозяйски, и он, Ворон, терпит это. А как не терпеть, когда без Наковальни он не справится? Да и сам Хохол тоже может пригодиться, здорово поумнел за годы при ней, понахватался умных словечек. А нюх у него всегда был как у собаки.

– Так что с генералом? – повторил Хохол, вынимая сигарету.

– Да что ему сделается – рука сломана и лампочку стряхнули немного, завтра домой отпустят, – отмахнулся Ворон. – Мне вот другое интересно: как он оказался вообще в этом такси? И что за баба с ним была, если Лизка его дома сидела, а? Завел кого-то?

Хохол закурил, чуть прижмурив глаза, выпустил облачко дыма:

– Все может быть. Он мужик еще здоровый вроде, чего бы ему и не завести себе какую красотку из местных?

– Допустим. А что они делали с утра на загородной трассе, а? И ехали не из города, а в город.

Этот вопрос не давал Ворону покоя с той самой минуты, когда он повторно посмотрел репортаж в новостях. В записи было четко видно, что машина с генералом шла в город, а не из города и что ее не развернуло от удара, а именно в этом направлении она и двигалась. И это почему-то Ворону не понравилось.

На лице Хохла не отразилось ничего – или так показалось. Женька курил, глядя в стену, и никак не отреагировал на вопрос.

– Наковальня ничего не говорила? – не выдержал Ворон.

– А? Что? Нет, ничего не говорила. Да что тут скажешь? Ее там не было. Ты лучше вот что… Ты же поедешь к генералу сегодня?

– А зачем?

– Задал бы ему вопросы свои – те, что мне задаешь.

– Не горит вроде. Могу и завтра спросить.

– Да? А зря. – В прищуренных глазах Хохла промелькнуло странное выражение и тут же исчезло.

– Почему зря? – Ворон все еще не понимал, к чему он клонит.

– Вопросы хорошо задавать, пока в горячке, сечешь? Менты не зря предпочитают по свежему колоть, не ждать, пока в башке все по полкам ляжет. – Ворон явственно услышал нотки превосходства: дурак ты, мол, Мишка, такой очевидной вещи сам понять не смог.

– Я мент тебе, что ли? – буркнул он, уже понимая, что Хохол прав: пока генерал не в себе, может и рассказать все, что надо.

– Ты не мент. Но решай сам. Маринка просто просила передать – если поедешь, чтобы ей позвонил.

«Ясно, не твои это мысли, Хохлина, куда тебе. Наковальня снова замутила что-то, а передает через тебя. Странно. Ладно, будем играть пока по вашим правилам, а там посмотрим».

Приняв решение, Ворон встал из-за стола.

– Давай так. Я сейчас машину вызову и поеду в больницу, а она пусть подъезжает и мне позвонит. Охранник выйдет, встретит.

– Хорошо.

Хохол поднялся и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, а Ворон испытал внезапный приступ изжоги.

Марина

Человек, который смог сдвинуть гору, начинал с того, что перетаскивал с места на место мелкие камешки.
Японская пословица

Положив трубку после разговора с Леоном, Марина перевела взгляд на мужа, который сидел на подоконнике открытого настежь окна и мрачно покусывал костяшку пальца:

– Леон едет. Ты пока давай-ка наведайся к Ворону и постарайся сделать так, чтобы он немедленно двинул в больницу. Понимаешь? Мне надо попасть туда любым способом, надо увидеть Ветку и там уже решить, что делать дальше. Времени у нас всего ничего, а Бес шутить не будет.

– Понял. – Хохол спрыгнул с подоконника и потянулся за свежей футболкой. – Вы только меня дождитесь с Леоном, хорошо? Не уезжайте.

– Не на чем. Ты нашу машину возьмешь, а Леонова тачка так и стоит на парковке в аэропорту.

– Ладно, значит, точно дождетесь.

Он чмокнул ее в макушку, прихватил ключи от машины и небольшую сумку с документами и вышел.

Оставшись одна, Марина заварила зеленый чай, бросила в чашку ломтик лимона и села ждать Леона. Она еще не знала, как построит разговор с Веткой, если та в сознании, и не была уверена, что нужно ставить Беса в известность, где именно находится его жена. Трудно предсказать, как он воспримет подобную информацию. И все зависит от того, в каком состоянии ведьма, сможет ли говорить и что скажет. Интуиция подсказывала, что надо придумывать легенду и не ввязывать в историю Дмитрия – Бес точно не оценит, да и Ветке это ни к чему. Значит, надо думать, что говорить.

Леон явился ровно через сорок минут, и Марина, открывая дверь, в который раз удивилась его феноменальному чувству времени:

– По тебе часы сверять можно.

– Привычка, – коротко бросил он, проходя в кухню.

Марина отметила, что вид у Мишкиного телохранителя так себе: бледное лицо, вваливший глаз, капли пота на лбу.

– Ты себя нормально чувствуешь?

– Д-да, – чуть запнувшись, ответил он, но Марина видела, что состояние его далеко от нормального.

– Ты не финти, Леон, мне твой труп героический здесь без надобности. Идем-ка в комнату, ляжешь на диван, там и поговорим, – тоном, не допускающим возражений, заявила Коваль и почти силой увела Леона в гостиную. Через минуту она принесла туда подушку, бутылку воды и мокрое полотенце. – Снимай рубашку, ложись и полотенце на грудь клади, будет легче.

Минут через десять Леона отпустило, он даже попытался принять сидячее положение, но Марина жестом велела не делать этого.

– Я же просила – без героизма. Ты что, лежа разговаривать не умеешь?

– Умею, конечно. Просто мне неловко…

– Так, я серьезно: хватит блеять, а то разозлюсь. Давай выкладывай, – велела она, открывая окно настежь и садясь на подоконник с пачкой сигарет.

– У меня было время все обдумать. Авария эта – случайность. Нелепая, глупая, необъяснимая, но случайность. А водитель или совсем без прав, или без разрешения на работу,

потому и слинял в кусты. По номеру микроавтобуса, конечно, найдут хозяина и вычислят, кто за рулем сидел, но для нас это ничего не значит. Авария – случайность, – еще раз повторил Леон.

– Это даже к лучшему. Не хватало еще кого-то левого, у нас и так достаточно проблем. – Марина стряхнула пепел в морскую раковину, служившую пепельницей. – А в больнице что?

– Там, понятно, не обрадовались. Виолу я не видел, ее, насколько я смог понять, увезли сразу в реанимацию. А к генералу довольно быстро прилетела его пресс-атташе. – Леон чуть поморщился, надеясь, что Марина не заметила. – Организовала отдельную палату, полицейского для охраны, разогнала журналистов, короче, с профессиональными обязанностями справилась на «отлично».

– А с личными?

– В смысле?

– Не придуривайся. Она осталась там, ведь так?

– Осталась.

– Тоже неплохо. Теперь давай думать, что будем делать с Бесом.

– Вы считаете, что стоит пока придержать информацию?

Марина постукивала ногтями по подоконнику и молчала, думая о чем-то. Она понимала состояние Леона – ему все-таки не хотелось подставлять хозяина под удар. Но и пойти против Марины он не может.

– Я пока не решила. Мне нужно увидеть Ветку и понять, что от нее ждать. Только от этого будет зависеть мое решение, понимаешь? У нас есть время до ночи – достаточно. Сейчас дождусь звонка от Женьки и поеду в больницу. А потом решу.

– Поздно не будет?

– Не бывает поздно, бывает уже не нужно, но это не в нашем случае, – улыбнулась она, легко спрыгивая с подоконника и усаживаясь в кресло. – Ты должен меня понять, Леон. Ветка – моя подруга, как ни крути. Я не хочу доставлять ей неприятности крупнее тех, что у нее уже есть. Потому я должна выяснить все и понять, как обезопасить ее. Бес – скотина мстительная, он ни за что не спустит ей такого косяка, как роман с Дмитрием, уж я-то это знаю.

– Да уж понятно, – ухмыльнулся Леон.

– Тогда ты понимаешь, почему я тяну время?

– Понимаю. Но и вы поймите меня – Ворон…

Она перебила:

– Леон, я не хуже твоего понимаю, что Бес сдержит слово и превратит Мишкину жизнь в ад, а потом и вовсе отправит его на тот свет. Ни грамма в этом не сомневаюсь. Но ведь ты не можешь не понимать, что мне тоже это невыгодно. А я не делаю того, что мне во вред, никогда. Так что используем оставшееся у нас время по полной программе, да?

– Думаю, мне лучше с вами не ехать, если Ворон будет в больнице.

– Ты правильно думаешь. Ты останешься здесь, а я поеду с Женькой – когда-то же он вернется.

Она бросила досадливый взгляд на часы, потом на молчащий мобильник и вздохнула:

– Чаю не хочешь? Я свежий заварила.

– Не откажусь. Давайте я сам, – Леон сел, почувствовав, что состояние его заметно улучшилось, голова не кружится, а противная слабость отступила.

– Что я, чаю не налью? – возразила Марина, но он все-таки встал и первым прошел в кухню.

Они пили чай и думали каждый о своем. Марина беспокоилась о Хохле – не звонит, не едет, что-то случилось. Тревога все росла, заполняя все ее нутро, так что становилось трудно

дышать. Она отдавала себе отчет в том, что боится потерять мужа. Боится, как не боялась, наверное, никогда. Это было новое ощущение.

– Что-то не так? – нарушил молчание Леон, которому вид нахмурившейся Марины не понравился.

– Не знаю.

– А раз не знаете, может, не стоит додумывать?

– Проницательный ты. – Она усмехнулась, закуривая очередную сигарету.

– Мне по работе положено, – улыбнулся в ответ Леон, но в этот момент в дверном замке повернулся ключ, и Марина метнулась в коридор.

Хохол ввалился в квартиру красный, как после бани, казалось даже, что от него идет пар.

– Уф, жарища! Погоди, котенок, я насквозь мокрый, – проговорил он, стягивая через голову майку и бросая ее на пол. – Ты чего такая?

– Какая? – прижавшись к его горячему телу, спросила она, заглядывая в лицо снизу вверх.

– Странная.

– Ой, да ладно. Рассказывай, что там.

– Да погоди, куда ты вечно летишь-то? Дай я в душ сперва, сил нет терпеть. – Отстраняя ее, Женька прошел в ванную, на ходу кивнув высунувшемуся из кухни Леону: – Посидите минут десять, я быстро.

Он скрылся за дверью, Марина вернулась в кухню и сделала большой глоток из кружки:

– Вот что за человек… Обязательно надо, чтобы я нервничала.

– Десять минут погоды не сделают, – успокаивающе улыбнулся Леон. – Время-то все равно у нас есть.

– Да, пока есть… пока есть. Но ведь может случиться так, что его не останется, – тут не угадаешь.

– Нечего угадывать, – вмешался Женька, уже вывалившийся из ванны в обмотанном вокруг бедер полотенце. – Чайку налей мне, – велел совершенно по-хозяйски, и Марина, удивив Леона, послушно встала и принялась заваривать ему свежий чай. – Так вот, Ворон пока не в теме, но уже заподозрил неладное. Не понравилось ему, видишь ли, как машины на трассе стояли. Словом, вычислил он, что генерал не из города ехал, а наоборот – в город. И этот вопрос, понятное дело, покоя ему не дает. Хорошо бы нам как-то успеть услышать, что будет брехать по этому поводу генерал.

– Хорошо бы. Потому что на этом будет строиться и то, что я буду говорить Бесу, если вдруг… – подал голос Леон.

– Значит, надо быстро ехать в больницу, чтобы успеть войти к генералу вместе с Мишкой. Я, конечно, подстраховался и колесо у тачки пробил, пусть повозятся, – ухмыльнулся Хохол довольно, – но все равно надо поторапливаться.

– Молодец! – саркастически заметила жена, вставая из-за стола.

– А как по-другому? Юриста я, кстати, домой отпустил, но трубу не отдал. Сказал сидеть и не высовываться.

– Думаешь, послушает? – с сомнением спросил Леон, и Хохол фыркнул:

– А ты бы не послушался, когда тебе адрес назвали и имя-отчество горячо любимой мамочки? Больше и говорить ничего не надо, остальное клиент и сам додумает.

– Между прочим, это чистая правда, – заметила Марина. – Иной раз то, чего недоговариваешь, действует куда сильнее, чем прямые угрозы. Фантазия у всех богатая, когда дело касается родных и близких. Хохол, чего расселся? Или так и поедешь в полотенце?

– Да я сейчас хоть голым поеду, такое пекло… – пробормотал он, однако встал и удалился в спальню.

– Ты можешь здесь остаться, – Марина посмотрела на Леона в упор, – чтобы потом не возвращаться. Полежи, отдохни, а потом втроем обсудим, что делать.

Леон коротко кивнул. Он не чувствовал в себе сил куда-то ехать по жаре, а здесь все-таки кондиционер. Да и смысла особого уезжать не было – все равно придется вернуться, потому что с Бесом он должен поговорить сегодня. И лучше сделать это в присутствии Марины.

К зданию больницы они подъехали раньше Ворона, Марина поняла это, окинув беглым взглядом стоянку, – его машины не было.

– Что ж, мы не гордые, мы подождем. – Она вытянула из пачки сигарету.

– Что-то долго они с колесом возятся, – хмыкнул Женька. – Там всего ничего – запаску поставить.

– Не позволит Ворон на запаске ехать, у него прямо пункт на этом. Погнал водителя в шиномонтажку.

– Откуда знаешь?

– Да какая разница. Знаю, и все.

Марина оказалась права. Когда спустя двадцать минут машина Ворона припарковалась недалеко от них, выбравшийся на волю Мишка первым делом обложил крепкой бранью сотрудников шиномонтажа и своего водителя, проморгавшего пробоину в колесе.

– Вот скажи, что за уроды, а? Один не видит пробитого колеса, а другие не в состоянии сделать все быстро и аккуратно! Как только Леон выходной, так сразу начинается какая-то шняга!

– Ты не ори, всех птиц распугал. – Марина вылезла из машины и взяла Мишку под руку. – Подумаешь, колесо пробил!

– Да в колесе разве дело? Содержу, понимаешь, целый штат слепошарых идиотов!

– Бывает, угомонись. Что, идем?

– Идем, – согласно кивнула Марина, лихорадочно соображая, как ей потом отвертеться от Мишки и попасть в реанимацию к Виоле.

Хохол тоже двинулся за ними, намереваясь сидеть в холле приемного отделения, через которое, когда главный вход больницы закроется, будут входить и выходить посетители.

Ворон и Марина в сопровождении телохранителя легко преодолели возникшее препятствие в виде пожилого охранника и поднялись в травму.

Коваль шла по этим коридорам и думала, что уже не испытывает никаких эмоций. В этой больнице когда-то работал Денис Нисевич – человек, с которого все началось в ее жизни. Но теперь это уже не имело значения.

Полицейский у палаты вскочил при виде Ворона, которого, очевидно, знал в лицо:

– Вы к генералу? Начальник распорядился никого, кроме вас, не пускать.

– Вот и не пускай, – кивнул Ворон и, перехватив его взгляд, направленный на Марину, буркнул: – Чего вылупился? Дама со мной.

Они вошли, оставив телохранителя за дверью. Дмитрий полулежал на кровати, рядом на стуле примостилась Лиза в белой накидке и что-то читала ему, перекладывая бумаги в синей папке. Увидев вошедших, генерал сделал попытку сесть, но неловко оперся на загипсованную руку и охнул. Девушка мгновенно вскочила, собираясь нажать кнопку вызова медсестры, но Мишка быстро взял ее за локоть.

– Ну-ка, подруга, пойди кофе попей в автомате.

Лиза открыла было рот, чтобы возразить, но Ворон таких вольностей никому не позволял.

– Я сказал: пошла пить кофе! – и, развернув ее лицом к двери, подтолкнул в спину: – Коля, проводи девушку к кофейному аппарату, я потом позвоню.

Лиза вышла из палаты, а Ворон, подтянув ногой табуретку, по-хозяйски уселся и уставился на генерала:

– Давай рассказывай, где был и что делал.

По тону Марина поняла: разговор предстоит не из приятных, хотя она могла объяснить поведение Мишки. Вложить деньги в кампанию и получить неуправляемого кандидата мало кому хочется. Если ты не контролируешь его на уровне кандидатства, что же будет, стань он мэром? Деньги на ветер.

– Есть вещи, в которых я предпочитаю не отчитываться никому, – Дмитрий попытался отказаться от ответа, но не вышло.

– А я тебе не папа, которому ты не обязан отчитываться, усек? Мне ты будешь рассказывать даже то, сколько раз в толчок метнулся, понял? И только так и будет!

Марина увидела, как вспыхнули гневом глаза брата, но тут же огонь потух – Димка внутренне признал проигрыш и свое зависимое положение.

– Прогуляться решил, окрестности посмотреть и подъезды к аэропорту. Это же вроде как федеральная трасса, хотел состояние оценить, – буркнул он.

«Ух ты, подготовился, – восхитилась про себя Марина. – Ловко он про федеральную трассу ввернул, молодец».

– И как? – насмешливо прищурился Мишка. – Годится трасса?

– Есть места, требующие ремонта. Хорошо бы это как-то в программе обозначить.

– И обозначим, – кивнул Ворон покладисто. – А вот скажи, мил-друг, что за баба с тобой была?

– Со мной? – совершенно натурально удивился Дмитрий.

– Со мной вот моя баба, – кивнув в Маринину сторону, терпеливо объяснял Ворон, – а с тобой чья была в машине?

– В машине? Ах, в машине… Я же такси брал. Там, в аэропорту, водитель попросил разрешения взять еще пассажирку. А почему не взять-то?

– Понятное дело, – кивнул Ворон, вроде бы соглашаясь, – с бабой всяко приятнее ехать. И что, даже имени не спросил?

– Да к чему мне? – Дмитрий вполне искренне переводил взгляд с Ворона на Марину. – Просто попутчица.

– Попутчица, значит, ага… Ты это вон молодке своей расскажи, – вдруг громыхнул Ворон, – а мне не втирай очки! Что за номер телефона у тебя последний набранный в мобильном? Думаешь, дурнее тебя здесь сидят?

У Марины похолодело внутри – Мишка добыл распечатки телефонных звонков генерала, и явно последний номер принадлежит Ветке. Вот он, конец.

– Да-да, женщина. Но это совершенно не та женщина, что была со мной в машине! Это… бывшая домработница моего сына. Хотел узнать, как она, не надо ли чего.

«Ох ты ж… На фиг ты Дашку-то сюда ввязываешь, идиот?» – чуть не выпалила Марина, но вовремя прикусила язык.

– Да? С чего такая забота? – спокойно спросил Ворон, и не было понятно, поверил ли он или по-прежнему сомневается.

– Хорошая тетка, внучку мою нянчила, потом вот домой уехала, здесь живет… – До Марины вдруг дошло, что Дмитрий скрыл свое родство с директором местного футбольного клуба, а Ворон по какой-то нелепой, но счастливой для нее случайности просто не сопоставил фамилии. Она выдохнула почти с облегчением, стараясь сделать это как можно незаметнее. Ощутимо задрожало правое колено – так бывало всегда, если волнение заставало ее

врасплох. И нужно брать себя в руки, иначе она не сможет выйти из палаты не прихрамывая, а это ни к чему.

– Что тетку поддержать хотел – это молодец, дело нужное. Давай теперь вот что решим. Как мы избирателям все это дело преподносить будем? Аварию эту твою во всех новостях показали. Кому нужен контуженный кандидат?

Марина поняла, что шанс покинуть палату – вот он. Эти двое увлекутся разговором, Лиза надежно нейтрализована телохранителем Колей, а полицейскому у двери вряд ли есть дело до того, куда направляется любовница Ворона.

Скорчив страдальческую мину, она дотронулась до плеча Мишки и проворковала, склонившись к его уху:

– Дорогой, я выйду, а то душно… И нос попудрю заодно…

Увлеченный постройкой версии Ворон нетерпеливо кивнул, и Марина выскользнула за дверь. Она отлично помнила расположение запасных выходов в больнице, потому уверенно прошла к одному из них, толкнула дверь и оказалась на пустой лестничной клетке. Если преодолеть пять пролетов вниз, она окажется у такого же выхода из отделения реанимации. Правда, там может возникнуть загвоздка в виде пары кроватей с трупами, ожидающими отправки в морг, но это вряд ли ее остановит – мертвых тел она никогда не боялась.

Преодолев это небольшое расстояние, Марина попала в реанимацию, отдышалась в закутке, застегнула прихваченный в палате генерала белый халат, предназначавшийся для посетителей, и решительной походкой направилась к посту. Вид у нее был начальственный, тон – приказной, а потому растерявшаяся медсестра мгновенно выдала информацию о пациентах из утренней автодорожки.

– Водитель сразу тяжелый был, даже часа не пролежал, уже в морг отвезли, а женщина неизвестная жива.

– Она в сознании?

– То приходит в себя, то снова проваливается.

– А связное что-то говорит?

– Да вроде бы не говорила… Я полчаса только как заступила, еще не заходила.

– Хорошо, я сама посмотрю.

Она развернулась и пошла к двери второго поста, где лежала Ветка. Там за столом никого не было, но лежал журнал назначений, и Марина, бросив беглый взгляд, увидела, что Ветка в палате единственная пациентка. Хорошо, никто не помешает.

Она толкнула дверь и вошла. Ведьма лежала, подключенная к кардиомонитору, левая нога со спицами для скелетного вытяжения была уложена на специальную металлическую шину, грудная клетка стянута корсетом. На лбу большая ссадина, обработанная зеленкой. «Да, потрепало тебя, моя девочка, – подумала Коваль, приближаясь к кровати. – Но ничего, кости срастутся. Мозги бы не взболтало».

– Ветка, ты слышишь меня? – негромко заговорила она, глядя в прикрытые веками глаза подруги. – Открой глаза.

Веки чуть дрогнули, но остались по-прежнему закрытыми.

– Не притворяйся, ты меня слышишь, я знаю. У меня мало времени, помоги мне тебя спасти. По краю ведь ходишь, дура! – нагнувшись совсем близко к уху ведьмы, прошептала Марина.

Ветка вздрогнула всем телом и широко распахнула глаза:

– Сгинь, – прошептала она, с трудом разлепляя пересохшие губы.

– Я-то сгину, – вполне миролюбиво отозвалась Марина, беря с тумбочки стакан и ложку с обмотанным марлей концом. – Я сгину, меня и так нет, а вот ты-то совсем неиллюзорно можешь того-с… Я твоего муженька отлично знаю, – окунув в воду марлю, Марина смо-

чила Веткины губы. – Одним словом, давай, милая, договариваться. Это ты врачам можешь головы дурить своим беспамятством, а мне не надо.

Ветка снова закрыла глаза и прошептала еле слышно:

– Митя тут ни при чем… это все я…

– А я знаю, – кивнула Марина, усаживаясь на край кровати, – с ним я после разберусь. Ты вот что скажи: он не говорил случайно, почему именно сюда?

– Нет, – выдохнула Ветка, – но я не спрашивала. Ты поможешь мне?

– А, по-твоему, за каким я вообще здесь? Твой припадочный супруг закатил истерику – думает, что тебя Ворон умотнул, велел вернуть до ночи, иначе все, копец котенку. Давай думать, что говорить станем. Генерал-то выдвинул версию, что ты просто попутчица. Ему тоже, видно, не с руки Ворону информацию сливать.

– Это хорошо… пусть так и будет… – пробормотала ведьма.

– Хорошо-то хорошо, но Бесу как объяснить, почему ты здесь?

– Давай скажем, что я с человеком… нужным встречалась, потом в аэропорт его провожала, а потом и… – Ветка открыла глаза и вдруг с неожиданной силой вцепилась в Маринину руку выше запястья: – Коваль, не бросай меня! Я не выкручусь одна! Умоляю! Я тебе во всем помогу…

Марина смерила ее насмешливым взглядом.

– Милая, если бы я полагалась на тебя, уже давно была бы мертва реально, а не так, как сейчас. Но ты права, без меня ты не выпутаешься. Потому предупреждаю – дышать будешь только так, как я говорю. На этот раз, если что не так пойдет, я тебя не пожалею – попадешь под раздачу первой, понятно?

Ветка молча кивнула, не выпуская ее руку из своей.

– В таком случае мы договорились. Жди своего супруга… А кстати, он случайно внешность не изменил?

– Нет, еще не успел, времени не хватило. Потом, позже. Он гримируется хорошо, татухи на руках клеем заливает… Ты рядом пройдешь – не узнаешь.

– Тогда, значит, жди, явится к ночи. Но смотри, если он или Димка узнают обо мне – ты отсюда выйти не успеешь. Я не пошутила, – с очаровательной улыбкой она склонилась к самому лицу Виолы, мимолетно коснулась ее губ и выпрямилась. – Мне пора, дорогая. Будет время – навещу. Но в твоих интересах, чтобы наша встреча не имела веской причины, а была просто дружеской, да? Поправляйся, Ветуля.

Подтянула сбившееся одеяло, развернулась и вышла из палаты, чувствуя, как Ветка буравит ее спину умоляющим взглядом. Никаких угрызений совести Коваль не испытывала – хорошо знала Ветку и не питала иллюзий на ее счет. Только угроза ее собственной жизни могла заставить ведьму думать головой и не делать поспешных шагов.

– Смените белье на втором посту, – тоном, не терпящим возражений, велела Марина медсестре. – И в истории отметку сделайте: больная в сознании, но на контакт не идет.

У медсестры даже вопроса не возникло, кто эта женщина в белом халате и что она делала в палате неизвестной пациентки.

Вернувшись в травматологию тем же путем, Марина вошла в палату как раз в тот момент, когда Ворон уже собирался выйти.

– Ты где так долго была? – недовольно поморщился он.

– Плохо мне, душно здесь, – соврала, не моргнув глазом, и обмахнулась полой халата.

– Поехали домой, я закончил.

– Поправляйтесь, Дмитрий Викторович! – выглянув из-за плеча Ворона, пропела она генералу.

– Спасибо, – хмуро бросил тот. И Марина поняла, что поговорили они без нее крепко и по-мужски.

От лифтов уже шла Лиза в сопровождении Николая. Метнув в Марину почти ненавидящий взгляд, она попрощалась с Вороном, вошла в палату и плотно закрыла дверь.

– Ишь, окрысилась, – фыркнул Ворон, – чего это она на тебя так?

– А есть категория женщин, которым во всех остальных соперницы мерещатся. Даже возраст им ни о чем не говорит. Она же мне в дочери годится.

– Ты не загибай уж – в дочери!

– Да какая разница. Просто не нравлюсь я ей, вот и все. Так и думает, что любая на ее генерала драгоценного виды имеет. Неполноценные особи, блин…

Ворон остановился и окинул ее изучающим взглядом:

– И что, тебя это не задевает?

Она пожала плечами:

– А должно?

– Обычно бабы реагируют.

Марина рассмеялась и, взяв Ворона под руку, увлекла его в раскрывшиеся перед ними двери лифта:

– Я тебя умоляю! То бабы. А то – я!

По напряженному лицу поднявшегося им навстречу Хохла она поняла, что тот волновался.

– Мишаня, я домой сегодня поеду, ладно? – больше для телохранителя, чем для Ворона, сказала она. Быстро чмокнула не успевшего ответить Ворона в щеку и повернулась к Хохлу:

– Что, братец, поехали, довезешь меня.

Тот встал, скроил равнодушную мину и прошествовал мимо Ворона, не удостоив того взглядом, – один в один брат, которому не нравится любовник сестры. Ворон только головой покачал, а Марина, помахав ему, поспешила за Хохлом.

– Ты не перегибаешь? – Она догнала его уже на стоянке.

– Ничего, проглотит, – ухмыльнулся Женька, садясь за руль.

Марина тоже забралась в салон и тут же оказалась в объятиях мужа:

– Ну-ка, поцелуй меня быстренько, пока эти не подтянулись.

– Соскучился?

– И это тоже, – кивнул Женька, поворачивая ключ в замке зажигания. – Но больше всего меня бесит необходимость отпускать тебя одну с этими…

– Прекрати. Ты ведь все понимаешь.

– Понимаю. Но от этого легче, думаешь?

– Женя, не надо, – попросила она, закуривая и чуть приоткрывая окно.

– Как прошло?

– Как по маслу. – Первое колечко дыма уплыло на улицу. – Братец мой не совсем идиот, смекнул, что не надо Ворону кое-чего знать. Отбрехался складно и нам на руку.

– А Ветка чего?

– Ветка в реанимации. Нога сломана, на вытяжении лежит, ребра, судя по всему, не меньше пяти, раз корсет. И по мелочи – лоб разодран, ушиб мозга. Но она дурит врачей, делает вид, что не помнит ничего, и в себя вроде как не приходит.

– Вот курва. Вечно обставится так, что еще ее и пожалейте, – буркнул Женька.

– Нет, тут она права, ей же тоже надо было узнать, что именно Димка Ворону набрешет. Теперь у нас есть прекрасная легенда, из которой исключено такое звено, как генерал. Ветка якобы встречалась с нужным Бесу человеком и поехала провожать его в аэропорт, а потом подсела в такси к какому-то мужику, которого не успела рассмотреть толком, – в ава-

рию попали. Все красиво, и фиг проверишь, водила в морге уже, тяжелый был. А других свидетелей там могло и не быть.

– Фартовая ведьма.

– Не дай бог никому такого фарта, Женя. Одно хорошо – сейчас мы Беса угомоним и переключим на дорогую супругу, может, немного меньше активности проявлять будет. А то на Ворона смотреть больно, его, кажется, даже в туалет охранник провожает, – фыркнула Марина, закрывая окно.

– Да здесь не просчитаешь, сама ведь понимаешь. Бес, он такой… может и забить, дело важнее.

– Он без нее не справится. И потом, гримируется Гриня до полной неузнаваемости, татушки свои фирменные клеем заливает, чтоб не спалиться. Как думаешь, часто он может в таком маскараде в город выползать? Вот и выходит, что глаза и уши у него – Бармалей и Ветка, причем Ветка еще и мозг в отличие от… И он никак не может ее бросить. Будет крутиться, чтобы скорее на ноги поставить.

– Слушай, ты сейчас опять орать будешь, конечно, но дай я скажу. Вот в этот момент, когда он почти без рук, его и надо выпасти в больнице и хлопнуть. Понимаешь? Сразу – бац, и наглухо. И все, никаких больше проблем ни у Ворона, ни у тебя, ни у всего человечества. Ветка переживет, я думаю.

– Мы уже обсуждали с тобой эту тему не однажды, так с чего ты решил, будто что-то изменилось? – Марина холодно посмотрела ему в глаза.

– Ты опять против, что ли?

– А с чего ты решил, что я когда-то буду за? Я неоднократно говорила: не могу руки пачкать его кровью, не прощу себе потом. Он брат моего мужа.

– Твой муж я, и у меня нет братьев.

– Я не об этом.

– А я об этом! – Они уже стояли на парковке перед домом. И Хохол развернулся к ней, упрямо сдвинув брови. – Сколько еще ты будешь позволять этому уроду управлять твоей жизнью? Не хочешь сама руки пачкать – могу понять, я тебе и не предлагал. Сам все сделаю, мне по барабану его родственные связи.

Марина в упор смотрела на него и молчала. Но что-то пошло не так, потому что прежде не выносивший такого взгляда Хохол вдруг не умолк, как ожидалось, а заорал так, что у нее заложило уши:

– Не смотри на меня так! Все, хватит, я задолбался подчиняться твоим капризам!

Она выдержала паузу и тихо произнесла:

– Сказать? Или сам додумаешься?

– Сам! Но не надейся – сегодня никуда не уйду, хватит. Пошли, там Леон ждет, надо закончить то, что должны.

Он разблокировал двери и вышел, Коваль последовала за ним, в душе удивленная таким поворотом. Обычно Женька терялся и умолкал или после слов «устал – отдыхай, никто не держит» срывался и уезжал куда-нибудь, а потом возвращался невменяемый. Но сегодня не работала ни одна из привычных схем, и это Марине не нравилось. Держать строптивого мужика под контролем становилось все сложнее, это могло здорово осложнить все дело. Хохол ведь из тех, кто всегда выполняет задуманное.

Леон в кухне жарил картошку. Ошибиться было невозможно – умопомрачительный аромат ждал уже на площадке.

– Ты гляди, – пробормотал Женька, вынимая ключи. – Не растерялся, ужин готовит. Как знал, что я жрать хочу, аж сводит все.

Марина промолчала. Леон выглянул из кухни с лопаткой в руке:

– Вернулись?

– Куда б мы делись. – Женька улыбался так, будто они с Мариной не ругались пару минут назад в машине. – Ты, смотрю, нашел, где у нас что?

– Я на базарчик сбегал, огурцов малосольных купил у бабульки, – кивнул на стол Леон.

– Фигасе – сбегал! Отсюда до рынка на такси только.

– Вы-то не местные, закоулков уже не знаете, – рассмеялся Леон, помешивая картошку. – У вас прямо через два дома маленький рынок, там обычно всякой огородиной пенсионеры торгуют.

– Век живи – век учись, – пробормотал Хохол, направляясь в ванную.

Марина села за стол, подвинула к себе пепельницу, закурила.

– Можешь расслабиться, хозяин твой в полном порядке. Сейчас поедим, и будешь Бесу звонить. А Ворону насчет того, что трубку не снимал, что скажешь?

– Скажу: прихватило. Он знает, что мне в жару всегда плохо и я стараюсь в выходной из дома не выходить.

– Хорошо. В общем, пока мы обстановку разрядили, конечно, но нет гарантий, что Бес на этом уймется.

– Я уже сказал, что надо, чтоб его унять навечно, – зло бросил вернувшийся в кухню Хохол.

Марина ударила по столу так, что подпрыгнули тарелки и чашка с огурцами.

– Ты так и не понял?! Я сказала нет! Повторяю: нет. И не смей ослушаться.

Хохол, против ее ожиданий, не метнул в нее эту самую чашку, даже голоса не повысил:

– Нет так нет.

И сел за стол.

Коваль слегка растерялась, но быстро взяла себя в руки и продолжила:

– В общем, пока Бес нам не соперник. Мне теперь другое нужно. Я хочу знать, зачем именно в этот город сунулся кандидатом в мэры мой брат и каким образом, а главное – почему он тщательно скрыл от Ворона свое родство со мной и с Колькой.

– С Колькой? – удивился Хохол. – Ты откуда знаешь?

– Сегодня случайно в разговоре всплыло. Он не сказал Мишке, что директор футбольного клуба его сын, понимаете? То есть ему зачем-то надо, чтобы его фамилию не связывали ни с Колькой, ни со мной. И еще я не могу вот чего понять: почему у Ворона ни разу не зажглось на эту тему? На поверхности же все лежит, как жир на воде. А он ни сном ни духом.

– Мне это тоже непонятно, – сказал Леон, расставляя тарелки с жареной картошкой перед каждым и садясь на выдвинутый табурет. – Я и то сразу усек, а он…

– А вам не приходило в голову, что Мишка в курсе, просто скрывает зачем-то? – спросил Хохол, занося вилку над чашкой с огурцами.

– Зачем? Должен быть смысл.

– Ты вот всегда со смыслом все делаешь, да? – покосился на нее муж.

– Я – да, – подтвердила Марина серьезно. – Даже то, что тебе не нравится.

– Особенно то, что мне не нравится, – с нажимом уточнил Женька, отправляя в рот огурец.

– Давайте поедим сперва, а потом уж будем ругаться, – взмолился Леон, которого эта пикировка порядком нервировала, – непонятно было, чью сторону занять.

С одной стороны, он поддерживал предложение Хохла. Так все проблемы разом решатся: как говорится, нет человека… Но и позицию Марины он уважал. Понятие о чести у него имелось, и он представлял себе, что испытывала Коваль всякий раз при упоминании имени Беса. Иметь злейшим врагом родственника бывшего мужа – удовольствие не из приятных.

Ужин закончили молча, смели с тарелок все, и Марина с удивлением отметила, что справилась с едой не хуже мужиков, хотя жареная картошка с огурцами никогда не входила в список ее любимых блюд.

– Зря я тебя, Леон, здесь оставила, – притворно пожаловалась она. – Ты готовишь почти так же вкусно, как Хохол.

– Рад, что вам понравилось.

– Так, теперь о делах, – она сразу посерьезнела. – Неси телефон, будем радовать Гриню находкой. Значит, смотри… Звонишь и говоришь, что Ветка нашлась и лежит в реанимации городской больницы.

– Как я об этом узнал?

– Случайно. Ты сегодня выходной, поехал на плановую проверку, анализы, то-се. В приемном покое увидел Ветку на каталке, краем уха услышал об автодорожке на загородной трассе. Вот и все.

– Думаете, поверит?

– Посоветуй ему ночные новости включить, там наверняка эту аварию покажут.

– Ага, хорошая идея. А там основным мотивом будет попавший в эту аварию генерал. То, что надо. Вот-то Бес обрадуется…

– А это уже не наша забота, дорогой. Да и не скажут в новостях о генерале больше – Ворон велел Елизавете из кожи вон вывернуться, но заставить телевизионщиков вырезать этот кусок. Я почему-то думаю, что так оно и будет. Просто автодорожка, и все. Звони.

– А кстати, – Леон перевел взгляд с Марины на Женьку, – куда звонить-то?

– Не поняла.

– На какой номер? Бес, когда звонил мне, предупредил, чтобы я не пробивал номер, он левый. Значит, симку явно выбросил. И кому я теперь должен звонить? На деревню дедушке?

– А ведь верно, – протянул молчавший до сих пор Женька. – Мы это как-то упустили, котенок.

– Без паники, мальчики. Разумеется, Бес воспользовался левой сим-картой, я бы на его месте тоже так сделала. А звонить будем Бармалею. Он же явно под боком у Беса сейчас торчит, не оставит хозяина одного в такой ситуации, правда?

Марина спрыгнула с подоконника, уселась на колени к мужу. Обвив рукой его шею, она потерлась носом о выбритую щеку и только после этого снова глянула на Леона:

– Звоним Сане, передаем информацию, кладем трубку и ждем. Если Бес захочет уточнений – перезвонит сам.

Хохол одобрительно кивнул:

– В принципе ты права. Если Бес захочет подробностей, сам Леону позвонит. Дело в другом – никаких подробностей у Леона быть не может, ведь так?

– Так. И на это тоже имеется ответ – номер приемного отделения. Туда вопросы, вот там ответы – мне кажется, все просто?

– Да, все просто. – Леон нашел в телефоне номер Бармалея и приложил палец к губам, давая понять, чтобы Марина и Женька не издали ни звука, потому что он включает громкую связь.

Коваль сильнее прижалась к мужу, он обхватил ее талию рукой и уткнулся лицом в шею.

Леон нажал кнопку громкой связи, и Марина непроизвольно вздрогнула, когда в кухне раздался низкий голос Сани Бармалея:

– Да, слушаю.

– Бармалей? Это Леон. Слушай внимательно и передай слово в слово своему хозяину. Его жена находится в реанимации городской больницы, состояние довольно тяжелое. Она

попала утром в аварию. Бес может получить любую информацию в приемном покое больницы. Ты все понял? – выпалил Леон почти залпом.

– Я… погоди…

– Я все сказал, – отрезал Леон и отключил связь. – Ну как? – спросил он у Марины.

– Пока не знаю. Ты все правильно сказал. Осталось дождаться, как Гриня отреагирует.

Хохол что-то промычал, не отрываясь от жены, а та сидела у него на коленях с легкой улыбкой и осанкой статуи.

– Может, я поеду домой? – Вид этой нежной парочки Леона слегка смущал.

– Думаю, нам стоит дождаться звонка Беса. Или не дождаться. Тогда и поедешь, – Коваль мягко высвободилась из объятий супруга и отошла к окну. – Не вижу смысла ездить туда-сюда.

– А если он не позвонит?

– Значит, не позвонит, – пожала она плечами. – Будет сам проверять, такое тоже может случиться, он редко кому на слово верит.

– Но мы тогда что будем делать?

– А ничего. Мы свою часть уговора выполнили – так сказать, вернули Ветку в лоно семьи, хотя и не совсем в товарном виде. Но это тоже не наша вина. Дальше ход за Бесом.

– А если он решит все-таки… – начал Леон, но Марина перебила:

– А вот додумывать и гадать мы не будем. Неблагодарное занятие. Даже мне не всегда удавалось наперед сказать, чего ждать от Беса. Не вижу смысла и теперь пытаться. Будем ждать – от нас уже ничего не зависит. А на твоем месте я бы перестала так уж рвать зад за Ворона.

– Он мой хозяин.

– Ты собака, что ли? – подал голос Хохол. – Я бы, знаешь, валил от него.

– Куда? Больно я нужен кому-то. Хорошо еще, что здесь работу не потерял. – Леон невесело поправил кружок на глазу.

– Ты напрасно так уж выпячиваешь свое увечье. – В голосе Марины не было и намека на шутку. – Поверь мне: тот, кто оценит твои качества как телохранителя, не заметит глаза и перчаток. Вспомни нашего Генку – с одной кистью ему равных не было. А у тебя голова в порядке, ты практически бесценен.

– Вы не сравнивайте себя и остальных. Люди прежде всего вывеску оценивают.

– Не люблю я эти сиротские разговоры, – отрезала Коваль. – Нравится жалеть себя – пожалуйста, но меня уволь это выслушивать. Хозяин так хозяин, дело твое. И сейчас ему временно ничего не грозит, можешь выдохнуть. Но поверь мне: Гришка вернется сюда, если ему так приперло, я это точно знаю. Он не остановится, и Ворону лучше на мировую с ним согласиться, чем погибнуть.

Хохол, почувствовав, как она вся напряглась и разозлилась, примирительно сказал:

– Чего ты парню ужасы всякие рассказываешь? Это бабка надвое сказала еще.

– Да, ты в этом уверен? Вспомни таких же уверенных типа Бурого. Тот тоже кричал: «Мне все по фигу». И где он сейчас? И кто его туда отправил, а? – развернулась к мужу Марина. – Так что я не стала бы сильно обольщаться на Гришкин счет. Ему надо – он возьмет. И все на этом, давайте расходиться. Бес бы уже перезвонил, а у меня голова заболела.

С этими словами она вышла из кухни и удалилась в спальню, демонстративно хлопнув там дверью и задвинув защелку.

Леон

Когда ищешь огонь, находишь его вместе с дымом. Когда зачерпываешь воду из колодца, уносишь с собой луну.
«Дзэнрин кюсю», антология чань-буддизма

Он вышел из подъезда со смешанными чувствами. Да, Марина сдержала слово и помогла выкрутиться из опасной ситуации. Но слова о том, что при желании Бес все равно вернется в город, преодолев сопротивление Ворона, застряли в мозгу. Эта женщина знала, о чем говорит, у нее имеется опыт общения с Бесом в тот момент, когда он решил впервые воцариться здесь. И она права – Леон слышал от разных людей, что все, кто пробовал сопротивляться Бесу, переместились прямиком на городское кладбище. А вот те, кто прислушался к Наковальне, и Ворон в их числе, остались в полном порядке. Так, может, и в этот раз хозяину стоило бы поступить так же? Но он, Леон, не вправе давать ему подобные советы.

Да и не станет Ворон их слушать, он по-прежнему убежден, что сможет в случае чего решить проблему, слив компромат на бывшего мэра. Хотя, насколько понимал Леон, эти бумаги, которые Ворон держит в сейфе, не будут иметь никакой силы. Бес не дурак и не вернется сюда под настоящим именем – он же официально мертв. Так что бумагами своими Ворон может камин топить, если не докажет, что имярек и Григорий Андреевич Орлов – одно и то же лицо. А как он сможет это доказать? Наверное, никак.

Дома было невыносимо душно – уезжая, Леон закрыл окна и теперь быстро перемещался по квартире, распахивая их настежь. Спать не хотелось, а завтра в восемь он должен быть в офисе, и неизвестно, как там что будет. Разговор с Вороном его не очень пугал, тот все-таки не в курсе, что Леон знает, кто именно разбился в машине с генералом. И хорошо, что так. Теперь нужно быть вдвойне внимательным и не упустить появление Беса в пределах видимости. Хотя вряд ли он явится сам, скорее подошлет Бармалея, если не обзавелся кем-то еще.

Спать не хотелось. Леон смотрел в потолок, по которому изредка пробегали блики от фар проезжающих автомобилей. «Скорее бы жара спала, что ли. Голова не работает совсем, а надо быть в форме и постоянно начеку», – думал он, внимательно изучая длинную трещину, на ремонт которой постоянно не хватало времени и сил. Внезапно телефон на тумбочке завертелся и завибрировал. Кто может звонить в третьем часу ночи? К его удивлению, на дисплее светился номер Лизы.

– Слушаю.

– Леня? Извини, что так поздно… Но я в растерянности, мне не с кем даже поговорить… Пожалуйста, не клади трубку!

«Только этого мне не хватало, – с досадой подумал Леон. – Выслушивать ее излияния по поводу травмированного генерала… Мне это зачем?» Но тут же в голову пришла другая мысль. Что, если Лиза вдруг скажет что-то интересное о связи генерала и Виолы? Мало ли.

– Если не с кем, тогда поговори со мной.

Обида на Лизу накатила снова. Наверное, не скажи она тогда о мести своему генералу, Леон и значения бы не придавал тому, с кем она еще спит. Но это злорадство в голосе, торжество какое-то… Было отвратительно чувствовать себя орудием мести, игрушкой. А сейчас надо взять себя в руки и постараться не пропустить ни слова.

– Спасибо тебе, – прошелестела Лиза, и он вдруг понял, что она, похоже, плачет.

– У тебя все в порядке?

– Даже не знаю… Я в больнице, генерал попал в аварию, его выпишут завтра.

– А ты-то там зачем? Раз выпишут завтра, значит, он не в реанимации.

– Нет, в травматологии. Просто… не знаю… И Воронцов твой приезжал с той женщиной. А меня выгнал, да так бесцеремонно, почти за шиворот, как котенка… – на самом деле всхлипнула Лиза.

– Мой хозяин – человек без сантиментов, что есть, то есть. Не думаю, что он это со зла.

– Да какая разница… Просто это так унизительно, как будто я не пресс-атташе, а какая-то левая девка, санитарка, уборщица!.. Больше часа кофе пила с каким-то дегенератом! А потом позвонили и разрешили вернуться. Разрешили!

– Ты зря так расстраиваешься, Лиза. Я уверен, что Михаил Георгиевич не собирался тебя унижать, он просто не акцентирует внимание на таких тонкостях, как этикет и всякие протокольные расшаркивания.

– Мне от этого должно быть легче?

– Сама выбирай. Я бы не стал так убиваться.

– Леня, тут дело не в том, убиваться или нет. Он меня на глазах генерала унизил, а тот даже… даже… – снова всхлипнула Лиза, и Леон понял, что смысл как раз в этом: генерал не возразил, не одернул Ворона, позволил разговаривать с любовницей как с обслуживающим персоналом, и именно это Лизу убило. Легкое злорадство на секунду появилось, но тут же исчезло.

– Лиз, ты не плачь, это мелочи все. Мужчины так устроены: они трусоваты по сути, не всегда тактичны и далеко не в каждой ситуации знают, как себя вести. Я уверен: генерал даже не подумал, что тебе может быть неприятно.

– Вот именно, – всхлипнула она снова. – Вот именно, даже не подумал! Зачем ему думать? И о ком – обо мне? Смешно!

– А это ты к чему сейчас? Хочешь комплиментов? Прости, я не умею их говорить.

– Каких еще комплиментов? – не поняла Лиза. – Я о том, что он вообще не придает значения тому, что между нами. Знаешь, он привез сюда отца, известного журналиста-криминолога. Так вот, меня он представил как пресс-атташе, ни словом больше. Даже не Лиза – Елизавета Андреевна! Отношения, да?

– А ты хотела, чтобы человек, которому за пятьдесят, внезапно представил отцу девушку, годящуюся ему в дочери, как любовницу? Тебе не кажется это странным? – Леон поймал себя на том, что ему нравится говорить Лизе такие вот неприятные вещи, и от этого стало как-то не по себе – как будто ириски у ребенка отобрал.

– Я бы хотела, чтобы он хотя бы не скрывал! Но нет, мы даже на каких-то мероприятиях сугубо официальны и застегнуты на все пуговки. Не дай бог подойти и уголок платка в кармане поправить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.